

MURABBIY

ILMIY-MA'RIFIY JURNAL

“MURABBIY”

**ILMIY-MA'RIFIY
JURNAL**

Issue:1 2021 | №1, 2021

<https://science.jspi.uz/>

Chief Editor:

S.Nazarkasimov, Doctor of Philosophy (Ph.D) in Sociology, Vice-Rector of Jizzakh State Pedagogical Institute, Uzbekistan

Deputy Chief Editor:

A.Turaev, senior teacher of Jizzakh State Pedagogical Institute, Uzbekistan

Members of the editorial board:

Sh.S.Sharipov - Professor

B.M.Ochilova - Professor

D.Khodjimetova - assistant professor

A.Pardaev - assistant professor

M.N.Khoshimkhonov - assistant professor

A.I.Saidkasimov - assistant professor -

F.K.Akhmedov - assistant professor

B.E.Toshboev - assistant professor

I.N.Akhmedov - PhD

D.Salimova - PhD

N.N.Alimov - assistant professor

M.Saidov - Ph.D.

X.Maxammadiev - teacher

Editorial Representative:

Abrar Turaev

Jizzakh State Pedagogical Institute,
Uzbekistan

Phone: +998933091877

e-mail: ijtimoiy2017@mail.ru

**ONLINE ELECTRONIC
JOURNAL**

“Murabbiy” ilmiy-ma’rifiy jurnali
"Mentor" scientific-educational
journal

Научно-просветительский
журнал "Наставник"

Indexed By:

Published By:

<https://science.jspi.uz/>

Jizzakh State Pedagogical
Institute, Uzbekistan

MUNDARIJA / CONTENTS / СОДЕРЖАНИЕ

№	MUALLIFLAR/ AUTHORS / АВТОРЫ	MAQOLA NOMI/ ARTICLE TITLE/ НАЗВАНИЕ СТАТЬИ	SAHIFALAR/ PAGES/ СТРАНИЦЫ
1	<i>Қирғизбоев Муқимжон</i>	Камбағаллик – XXI аср муаммоси	6-14
2	<i>Очилова Бахти Мурадовна</i>	Демократик кадриятлар ва ўзини-ўзи бошқариш	15-25
3	<i>Муҳаммадиев Нурмуҳаммад Эргашевич</i>	Жамиятнинг янгилинишида фалсафа илмининг методологик аҳамиятини янада оширишнинг долзарб масалалари	26-30
4	<i>Ахмедшина Фания</i>	Проблема выравнивания положения женщин и мужчин (опыт Узбекистана и зарубежных стран)	31-35
5	<i>Анварова Маърифат Нарзуллоевна</i>	Использование инновационных технологии при обучении арабскому языку	36-42
6	<i>Tilavova Malika Mataramovna</i>	Inversion is a bridge to the wonders of the language world	43-50
7	<i>Худойназаров Сардор</i>	Консультатив психология бўйича мутахассислар тайёрлаш муаммолари	51-54
8	<i>Ғофуров Жасур Исақович</i>	Уструшонанинг илк ўрта аср хунармандчилигига доир	55-58
9	<i>Ибрагимов Солижон Эргашевич</i>	Баркамол авлодни шакллантиришда гўзаллик тушунчасининг аҳамияти	59-63
10	<i>Севостьянов Дмитрий Анатольевич</i>	Инверсивные отношения как диалектический когнитивный конструкт	64-67
11	<i>Muhammadsidiqov Muhammadolim Muhammadroziq o'g'li</i>	Integratsiya tushunchasi: mazmun va mohiyati	68-77
12	<i>Ҳолиқова Рахбархон</i>	Ижтимоий-гуманитар соҳа	78-81

	<i>Эргашевна, Махкамова Надира, Тўхтабоева Дилафрўз Эргашевна</i>	вакилларининг тадқиқотларида урбанизация жараёнлари	
13	<i>Ежель Н.Е. , Стародубцева С.С. , Шишова А.А</i>	Проблема веры и современное мировоззрение человека	82-91
14	<i>Ibaidullaev Temir Gaybullaevich</i>	Harmony of uzbek national clothing culture and modernity	92-95
15	<i>Наумов Дмитрий Иванович</i>	Историческая политика в условиях глобализации	96-101
16	<i>Соегов Мурадгелди</i>	Туркмены-оламы самарканда на фоне истории своих прямых предков – древних аланови современные реалии	102-114
17	<i>Кобиров Рустам Ражаббойевич</i>	Ёшларда геоиктисодий тафаккурни шакллантириш ва ривожлантириш асосий омиллари	115-119
18	<i>Ганеева Галия Галияновна</i>	Желательное наклонение глагола в башкирском языке и история его изучения	120-125
19	<i>Инатов Мурот Ниятович,</i>	Хатларни микдорий таҳлил этиш усуллари	126-131
20	<i>Холмирзаева Манзура Абдумурадовна</i>	Инновацион ривожланиш шароитида миллий манфаатларни мафкуравий жиҳатдан химоя қилишнинг фалсафий жиҳатлари	132-136
21	<i>Билалова Дина Нуримановна, Киреева Надежда Анатольевна</i>	Применение инновационных цифровых технологий в преподавании гуманитарных дисциплин в техническом вузе	137-142
22	<i>Собиров Элмурод Абдумуталович, Юсупова Сайёра</i>	Исҳоқхон Тўра Ибратнинг илмий- ижоди ва маънавий-маърифий мероси	143-147
23	<i>Кулуева Флора Гайнутдиновна</i>	Приоритетные задачи социально- гуманитарных наук в условиях глобализации	148-151

ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ ГЛАГОЛА В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ И ИСТОРИЯ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

*Ганеева Галия Галияновна,
Каидат филологических наук, доцент
Бирский филиал БашГУ*

Аннотация

В данной статье рассматривается история изучения глаголов желательного наклонения в современном башкирском языке. Как известно, глаголы желательного наклонения изучены достаточно полно, определены их грамматические и семантические особенности. Но в лингвистике не редко соблюдаем противоречивые взгляды. Это связано не только с развитием языка, но и с развитием сознания и мышления всего человечества.

Опорные слова: *желание, глагол, наклонение, окончание, морфология.*

В русской лингвистике необходимо различать морфологическое и синтаксическое наклонение глагола. Термин «синтаксическое желательное наклонение» введен еще с середины XIX века. Но впервые оно изучается проф. А.А.Шахматовым. Он разрушает традиционное изучение о трех наклонениях русского глагола и выделяет шесть (в сущности, семь) наклонений: изъявительное, повелительное, сослагательное (условное и желательное), действительное, предположительное и потенциальное, каждое из которых выражает разнообразные значения. А.А. Шахматов также противопоставляет морфологическое наклонение синтаксическому как тому словесному способу, «которым вообще может быть выражено чувство связи между субъектом и предикатом в формах глагола» [1, с. 481]. Таким образом, в морфологическом сослагательном наклонении он видит способность выражать два синтаксических наклонения: условное и желательное [1, с. 484].

Проф. А.А.Потебня категорию наклонения глагола изучает с исторической точки зрения. Он выделяет всего четыре наклонения: изъявительное, повелительное, условно-желательное и сослагательное. Таким образом, А.Потебня определяет приемы и принципы образования «идеальных» (к ним он относит условное, сослагательное и желательное) наклонений на основе распада системы старых прошедших времен глагола. Здесь древнейшим процессом является переход аориста быхъ (бы) к значению условному и желательному [2, с. 269].

Академик В.В.Виноградов рассматривает систему образования и средства выражения этих наклонений. Характеризует употребление форм повелительного наклонения и инфинитива с модальным значением желательности [3, с.475].

Н.Ю.Шведова, анализируя синтаксическое наклонение русского языка, приходит к следующему выводу: «Желательное наклонение является одной из грамматических форм предложения. Говорящий, пользуясь этой формой, совмещает с ее грамматическим значением свое ярко выраженное субъективное отношение к сообщаемому. Однако это не может опровергнуть факта, что желательное значение формализовано и что форма эта занимает свое вполне определенное место в синтаксической парадигме предложения» [4, с.476].

В современном русском языке глагол имеет три наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное. Значение желания реализует форма сослагательного наклонения, сущность которого определяется только в синтаксическом аспекте. Таким образом, в современном русском языке самостоятельное морфологически выраженное желательное наклонение не выделяется. Оно существует только на правах синтаксического наклонения.

В тюркологии глаголы желательного наклонения рассматриваются в монографических трудах А.Н.Кононова, Н.З.Гаджиевой, К.М.Мусаева, К.Ищанова, Е.И.Коркиной, Н.Г.Агазаде, М.З.Закиева, В.Н.Хангильдина, Д.Г.Тумашевой, Ф.Ю.Юсупова и мн. др.

Во всех тюркских языках основным формантом желательного наклонения являются аффиксы -ай/-эй или -гай/-гэй. По мнению проф. Н.А.Баскакова, форма на -ай/-эй является фонетически видоизмененным вариантом причастия на -гай/-гэй [5, с. 445-450]. А.М.Щербак не видит достаточных оснований рассматривать аффикс -ай как фонетическую разновидность аффикса -гай. Свое мнение он обосновывает тем, что выпадение -г перед гласными происходило, главным образом, в языках огузской группы. Кроме того, примечательно и параллельное употребление формы на -гай и формы на -ай во многих тюркских языках. А.М.Щербак обращает внимание также на семантическое своеобразие формы на -гай, по сравнению с формой на -ай. Таким образом, он приходит к выводу, что общетюркская форма желательного наклонения, образуемая при помощи аффикса -а(й), восходит к древнему имени действия на -а, генетически не связанному с именем действия на -га(й) [6, с. 52-53]. Наше исследование, подтверждая концепцию проф. А.Щербака, обосновывает еще один факт: если форма на -ай/-эй в самостоятельном употреблении выражает различные

оттенки желания и активно сочетается с модальными словами, частицами, придающими соответствующие семантические оттенки всему предложению, то форма на -гай в самостоятельном употреблении не выражает данной семантики, реализуя ее лишь в контексте.

По мнению проф. А.Н.Кононова, в современном узбекском языке глаголы желательного наклонения имеют два аффикса: 1) -ай: ёз-ай-(ин) “напишу-ка (я)”; 2) -гай: ёз-гай-(ман) “напишу-ка (я)” [7, с. 234-236].

Г.Н.Зикриллаев считает, что при изучении системы условно-желательного наклонения в узбекском языке методом компонентного анализа, в сочетании с контекстуальным, можно определить модальное значение глагола. Лишь в контексте формы на -са, -са эди, -етса, -ган булса, -етган булса дают соответствующее значение [8, 52-58].

Формы желательного наклонения и свойственные им семантические особенности в той или иной степени описываются в грамматиках ногайского, караимского, азербайджанского, туркменского, казахского, карачаево-балкарского, татарского и других языков.

Проблема категории наклонения в башкирском языке освещается в трудах проф. Н.К.Дмитриева. Он определяет желательное наклонение следующим образом: «Говорящий не столько излагает факт, сколько передает свое субъективное отношение и притом к такому факту, который по существу еще не произошел, а только может произойти» [9, с. 169].

Проф. Дж.Г.Киекбаев, подразделяя глаголы желательного наклонения на несколько семантических групп, выделяет простые (синтетические) и сложные (аналитические) формы [10, с.117].

Проф. М.Х.Ахтямов выделяет две формы желательного наклонения: 1) -айым/-эйем: барайым (эле)- пойдк-ка я, эшлэйем (эле)- сделаю-ка я; 2) -ғы/-ге килэ: барғы килэ хочу пойти, эшлэге килэ –хочу работать [11, 39].

Многочисленные морфологические формы глаголов желательного наклонения, их значения и эмоционально-экспрессивные оттенки описываются в монографии проф. Н.Х.Ишбулатова «Башкирский язык и его диалекты». Однако, доминирующую морфологическую форму желательного наклонения на -ай он рассматривает в рамках системы повелительного наклонения [12, 104].

Проф. М.В.Зайнуллин впервые в башкирском языкознании приводит в единую систему средства выражения модальности. Категорию модальности в башкирском языке он связывает, прежде всего, с грамматической категорией наклонения и включает в круг модальных средств некоторые аналитические глаголы, модальные слова и словосочетания, интонацию, особые конструкции

предложения. По мнению М.В.Зайнуллина, основной грамматикализованной формой выражения оптативной модальности является желательное наклонение, которое образуется посредством аффикса -ай/-эй,-й. [13, 292]. Кроме того, в монографии «Современный башкирский литературный язык» автор выделяет еще одну аналитическую форму желательного наклонения, которая образуется при помощи основы на -ғы/-ге и вспомогательного глагола килә. Помимо этого, в указанных работах определяются различные оттенки желания, которые передаются многочисленными аналитическими конструкциями [14, с. 292].

Таким образом, состав форм глаголов желательного наклонения определяется в тюркологии неоднозначно. Некоторые ученые утверждают, что основными формантами желательного наклонения являются окончания -ай/-эй или -гай/-гэй, другие выделяют и аналитические формы глагола на -ғы/-ге (-асы/-эсе) кил, -са/-сә эди, макчы/-мәкче ине и др.

Доминирующая синтетическая форма желательного наклонения в башкирском языке образуется при помощи аффикса -ай/-эй, который известен еще с периода древнетюркской письменности. Он обозначает субъективное желание говорящего и употребляется только в форме 1-го лица единственного или множественного числа. Во множественном числе форма выражает желание говорящего совместно совершить действие, призыв, приглашение к совместному выполнению. *Мин һиңә безҙең халықтың кунаксыллығы һәм намыслылығы тураһында бер вакига һөйләйем әле (С.Ағиш).* – Расскажу-ка я вам одну историю про гостеприимство и порядочность нашего народа. *Узған егерме биш йылдың йәннәт булған көндәрен генә хәтергә алайык бөгөн (М.Кәрим).* – Давайте, вспомним-ка сегодня только сладкие дни прошедших двадцати пяти лет. В отрицательной форме выражается призыв, предложение не совершать действия. Для усиления обозначенных оттенков данная форма употребляется с частицами, модальными словами, которые, в свою очередь, придают различные оттенки всему предложению. В некоторых говорах южного диалекта данная форма может осложняться аффиксом множественного числа. Такой вариант употребляется для выражения учтивости, убедительной просьбы, настойчивого побуждения к выполнению действия.

Таким образом, в современном башкирском языке глагол желательного наклонения имеет лишь одно морфологическое средство выражения: окончание 1-го лица -айым/-эйем в единственном и -айык/-эйек во множественном числе.

Другая синтетическая форма оптативной модальности образуется при помощи архаичного аффикса -гай/-гэй. Во многих тюркских языках, например, ногайском, караимском, алтайском, шорском, каракалпакском, аффикс известен как основное грамматическое средство выражения формы желательного наклонения. В древнетюркских памятниках аффикс -гай зафиксирован как показатель будущего времени изъявительного наклонения. С XIII–XV вв. данный аффикс выражает форму прошедшего времени данного наклонения. В значении желания форма сохранилась с показателем глагольного отрицания -ма.

В современном языке форма на -магай/-мэгэй выражает следующие семантические оттенки: предостережение от совершения действия, боязнь, нежелательность совершения действия, сомнение, опасение. Например: *Фәүзиәнең генә йөрәк урынында түгел: күрше-тирәнең мал-тыуарын зыянлап куймагайы* (Т.Фарипова). - У Фаузии только сердце не на месте: не пострадал бы домашний скот соседей. Кроме этих основных значений, форма выражает активное безразличие говорящего к совершению действия: *Миңә тимәгәйе, бөтөнләй китеп олак...* (Б.Ногоманов). – Какое мое дело, хоть навсегда уезжай. Глаголы в данном значении часто употребляются в сакмарском и среднем говорах южного диалекта.

Следует отметить, что глагол на -магай/-мэгэй изменяется по лицам и числам, хотя в литературном языке, в том числе в разговорной речи башкирского языка, спрягаемые формы встречаются весьма редко. Такие спрягаемые формы глагола могут координировать с подлежащим, выраженным существительным или местоимением: *Синтетик нәмәләр кейеп, синтетик азыктар ашап, үзебез зә синтетикага әйләнеп китмәгәйебез* (Ғ.Хөсәйенов) – Надевая синтетические вещи, съедая синтетические продукты, сами не превратились бы в синтетику).

В значении доброго пожелания в разговорной речи активно употребляются безглагольные предложения. Например: «*Байрам менән!*» («С праздником!»), «*Тыуган көнөң менән!*» («С Днем рождения!»), «*Яңы йыл менән!*» («С Новым годом!») и тд. Как известно, они являются кальками с русского языка. Такие искусственные новообразования-кальки в последние годы в тюркских языках становится все больше и приводят к искажению родного языка. Литературно правильно было бы: «*Байрам котло булһын!*», («*Желаю прекрасного праздника!*»), «*Тыуган көнөң менән тәбрикләйем!*» («*Поздравляю с Днем рождения!*»), «*Яңы йыл менән котлайым!*» («*Поздравляю с Новым годом!*») и тд. Но следует отметить, что такие

безглагольные предложения также определяют грамматическую синонимию языка.

Литература:

1. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Издание второе. – Ленинград, 1941. – 620 с.
2. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. IV том. Выпуск 2. Глагол / А.А. Потебня. – М.: «Просвещение», 1977. – 406 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – Москва, изд-во «высшая школа», 1972. – 614 с.
4. Шведова Н.Ю. Синтаксическое желательное // Современные проблемы литературоведения и языкознания. М., 1974. – С. 455-466.
5. Баскаков, Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология, часть 1, (части речи и словообразование) / Н.А. Баскаков. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – 543 с.
6. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). – Л.: «Наука», 1981. – С. 52-57.
7. Кононов, А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка / А.Н. Кононов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 бит.
8. Зикриллаев, Г.Н. Система форм условно-желательного наклонения в узбекском языке / Г.Н. Зикриллаев // Советская тюркология. – 1983. – №6. – С. 52-58.
9. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.: Наука, Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2007. – 232 с.
10. Киекбаев Дж.Г. Современный башкирский язык. Учебник для студентов вузов. – Уфа: БГУ, 1966. – 148 с. (на башк. яз.).
11. Ахтямов, М.Х. Грамматика башкирского языка. – Уфа: БГУ, 1979. – 80 с. (на башк. яз.).
12. Ишбулатов Н.Х. Башкирский литературный язык и его диалекты. – Уфа: Китап, 2000. – 212 с. (на башк. яз.).
13. Зайнуллин, М.В. Модальность как функционально-семантическая категория. – Саратов, 1986. – 127 с.
14. Зайнуллин М.В. Современный башкирский язык. Морфология. – Уфа: Китап, 2005. – 264 с. (на башк. яз.).